

«Встреча Марии и Елисаветы» в миниатюрах Лицевого сборника Чудова монастыря 1560-х годов: к проблеме интерпретации авторского замысла «Слова на Зачатие св. Иоанна Предтечи»

© 2022

УДК 75.056(470-25)"156"
ББК 85.14(2)
У79

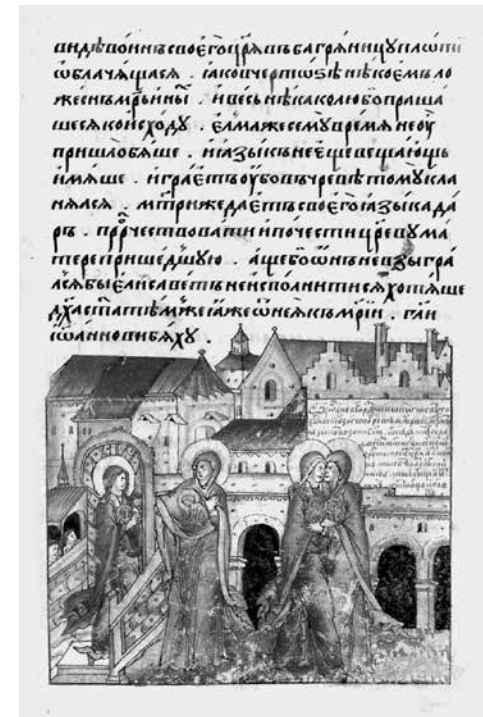
Поступила в редакцию 12.04.2022

В «Слове на Зачатие св. Иоанна Предтечи» в составе Лицевого сборника Чудова монастыря 1560–1570-х гг. (ОР РГБ. Ф. 98. № 1844) один из фрагментов повести посвящен свиданию Девы Марии, получившей от архангела Гавриила благую весть о грядущем рождении Мессии, с ее родственницей Елисаветой, которая в это же время носила во чреве св. Иоанна Крестителя (Л. 149 об.–151). Эпизод входит в состав первой, так называемой святоотеческой, части «Слова», примыкает к истории Благовещения Богородице и предваряет рассказ о рождестве Иоанна [Иванов, 2015. С. 160–161].

Текст проиллюстрирован двумя миниатюрами. На л. 150 показан приход Девы Марии к дому Елисаветы, которая открывает ей двери. Затем следует сцена их встречи, сопровождаемой объятиями [ил. 1]. А в верхней части миниатюры на л. 151 представлена беседа святых родственниц в доме Захарии [ил. 2]. Уникальной особенностью указанных сцен является то, что на лонах Марии и Елисаветы изображены проглядывающие сквозь одежды контуры полуфигур их еще не рожденных младенцев, и на каждой из них Иоанн из чрева матери поклонно приветствует Иисуса.

Изображение «Встречи Девы Марии и Елисаветы» известно в искусстве с раннехристианских времен [Покровский, 2001. С. 131–135]. Сюжет восходит к евангельскому тексту (Лк. 1:39–56) и его пересказу в Протоевангелии Иакова (25:11–12). В Православной Церкви нет отдельного праздничного дня, соответствующего данному событию. Однако его изображение стало важной составляющей иллюстрированных мариологических циклов, в т.ч. цикла Протоевангелия и Акафиста¹, а также жития св. Иоанна Предтечи [Κασιωτη, 1998. Σ. 42–59].

¹ «Встреча Марии и Елисаветы» в цикле Акафиста стала иллюстрацией к 4 Икосу: «Имущи богоприятную Дева утробу востече ко Елисавети» [Громова, 2005. С. 236, 264].

ил.1 Встреча Марии и Елисаветы. Миниатюра «Слова на Зачатие св. Иоанна Предтечи» Лицевого сборника Чудова монастыря. 1560-е. ОР РГБ. Ф. 98. № 1844. Л. 150

fig.1 Meeting of Mary and Elizabeth. Miniature “Word on the Conception of St. John the Baptist” from the Illuminated manuscript of the Chudov Monastery. 1560s. OR RSL. F. 98. No.1844. L.151

ил.2 Беседа Марии и Елисаветы в доме Захарии. История Ионы. Миниатюра «Слова на Зачатие св. Иоанна Предтечи» лицевого сборника Чудова монастыря. 1560-е. ОР РГБ. Ф. 98. № 1844. Л. 151

fig.2 The conversation of Mary and Elizabeth in the house of Zechariah. History of Jonah Miniature from the Illuminated manuscript of the Chudov Monastery “Word on the Conception of St. John the Baptist”. 1560s. OR RSL. F. 98. No.1844. L.151

В византийском и древнерусском искусстве сцена традиционно изображалась через формулу «встречи – целования»: Богородица и Елисавету показывали сошедшимися в родственном объятии с приникшими друг к другу лицами².

Напротив, в средневековой католической Европе Посещение Девы Марии стало темой отдельного праздника (лат. Visitatio Mariae, 31 мая или 2 июля), введенного в практику богослужений во второй половине XIII в. орденом

² По мнению А. Грабара, в ранних циклах жизни Марии сюжет «Посещения», следующий за «Благовещением», служил смысловым эквивалентом непорочного зачатия, по аналогии с иллюстрациями «Книги Царей» (3-я и 4-я Книга Царств) из Ватиканской библиотеки (Vat. Gr. 333), иконографией Встречи Иоакима и Анны у Золотых ворот, миниатюрами «Романа об Александре» и др., где сцена объятия предшествует сценам рождения библейских царей, Александра Македонского, Марии [Grabar, 1969. P.130–131].

францисканцев. В 1263 г. он был письменно рекомендован для всей конгрегации главой ордена Бонавентурой. Праздник *Visitatio* быстро распространился на Западе благодаря высокому авторитету францисканского ордена, а всецерковное одобрение он получил по приказу папы Урбана VI в 1389 г. (повторено в 1441 г.) [*Holweck*, 1912].

В романском искусстве в сценах «*Visitatio*» изображались две стоящие в полуобороте друг к другу фигуры святых жен с жестами приветствия, но без тесного объятия. Встречаются и «византизирующие» варианты, со сценой «целования». В искусстве готики и особенно Возрождения для изображения данного сюжета стали применяться более разнообразные композиционные схемы: Елисавету представляли на коленях перед Марией, святые матери изображались с жестами прикосновений к животам друг друга, которые показывали, что каждая из них узнала о беременности другой. Значительную роль в развитии иконографии праздника сыграло распространение в католическом мире текста «Золотой Легенды» Иакова Воррагинского, в котором подробно рассказывалось о взыгрании младенца Иоанна в утробе матери в момент свидания [*Иаков Воррагинский*, 2018. Т. II. С. 11]. По-видимому, еще большее влияние оказали на нее литургические тексты, группировавшиеся вокруг «*Magnificat*» — произнесенного Девой Марией в ответ на приветствие Елисаветы хвалебного гимна «Величит душа моя Господа...» (Лк. 1:46–55). В католическом богослужении «*Magnificat*» был кульминационным пунктом вечерни, одним из наиболее торжественно исполнявшихся гимнов, которому придавали различные формы — большого респонсория (*responsorium prolixum*), тракта, верса аллилуйи, антифона, секвенций и даже особых литургических мистерий [*Fassler*, 2019. P. 636–640]. В текстах этих песнопений, иногда написанных в форме диалога между нерожденными младенцами, с партией Иоанна, поющего Господу из чрева матери, развивались темы общения Христа с его пророком еще до их появления на свет. Особенную популярность такие мистические драмы получили в богослужебной практике католических женских монастырей, уставы которых могли достаточно сильно варьироваться от ордена к ордену.

Неудивительно, что в западном искусстве с рубежа XIII–XIV вв. прослеживается традиция изображения в момент свидания Марии и Елисаветы нерожденных младенцев в утробах матерей, часто окруженных сиянием. При этом Иоанн кланяется Иисусу или преклоняет перед ним колени, а Христос благословляет своего Предтечу. В миниатюрах градуалов (сборников богослужебных песнопений) XIV–XV вв. именно такие изображения «Посещения» могли сопровождать тексты «*Magnificat*»³. Выразительным примером описан-

3 Нетрадиционно данная сцена решена на миниатюре первой части «Часослова Висконти» 1390–1402 гг. (Национальная библиотека Флоренции, *Vanco Rari* 397. Fol. 147 v). Эпизод «Посещения Девой Марией Елисаветы» вписан в инициал «Магнификата». Младенец Иоанн показан сидящим на руках у матери, встречающей Марию на пороге своего дома. Иоанн протягивает руку к Марии, указывая на Ее чрево (*Biblioteca Nazionale Centrale di Firenze. TECA BNCF — Manoscritti e Incunaboli*. URL: <https://teca.bncf.firenze.sbn.it/ImageViewer/servlet/ImageViewer?idr=TECA00000021184#> (дата обращения: 05.01.2022).

ного варианта иконографии является миниатюра «*Visitatio*» Градуала цистерцианского монастыря Вонненталь в Брейсгау, ок. 1340–1350 гг., хранящегося в Баденской гос. библиотеке, Карлсруэ (*Cod. U. N. 1, f. 172 v*)⁴ [ил. 3]. В иконографии «*Visitatio*» с видимыми младенцами нашло отражение специфическое учение францисканцев о совершенстве человеческой природы Христа с момента воплощения. Оно было изложено, в частности, в популярном сочинении «Размышления о жизни Христа» Псевдо-Бонавентуры (Иоанна де Каулибуса) между 1336 и 1360 гг.: «Тогда Сын Божий тотчас, весь и без промедления вошел в чрево Девы, и принял от нее плоть, и при том весь остался в лоне Отца. [...] и в тот же миг была сотворена душа и влита в тело: совершенный человек по всем чертам тела, только очень-очень маленький, — с тем, чтобы потом естественно расти во чреве, как все прочие люди. Только вливание души в плоть и формирование отдельных членов тела не было постепенным, как у прочих. Он сразу был совершенный Бог и совершенный человек, такой же мудрый и могучий, как есть всегда» [*де Каулибус*, 2011. С. 15]⁵.

Не исключено, что импульс к художественному воплощению данной темы был получен из иконографии Богоматери с Младенцем в мандорле на лоне, распространившейся из Италии в страны континентальной Европы и восходящей, в свою очередь, к византийскому образу Богоматери *Επίσηψις-Πλατυτέρα*. Как показала И.А. Шалина, икона Богоматери *Επίσηψις* Влахернского храма, широко прославившаяся благодаря еженедельному «пятничному чуду», была известна на Западе по запискам пилигримов еще до падения Константинополя⁶. При этом догматически строгая символическая композиция, соотносившая образ Девы Марии с пророчеством о будущем воплощении Эммануила (Ис. 7:14), получила на Западе более натуралистическую трактовку изображения «непраздной» Богоматери, носящей во чреве Младенца Христа.

Вариант иконографии «Посещения» с видимыми фигурками младенцев был распространен преимущественно в странах Центральной и Восточной Европы. Одним из ранних примеров является скульптурная группа «*Visitatio*» 1310–1320 гг. немецкого мастера Генриха Констанцкого из доминиканского монастыря Катариненталь в районе Боденского озера в Швейцарии (Музей Метрополитен) [*Rosenau*, 1944. P. 179, fig. A; *Jung*, 2007. P. 223–237, fig. 18.1, 2, 7] [ил. 4]. Вырезанные из орехового дерева, с почти полностью сохранившейся полихромией и позолотой, фигуры Марии и Елисаветы имеют миндалевидные полости со вставленными кабошонами из горного хрусталя, через которые первоначально

4 *Badische Landes-Bibliothek*. URL: <https://digital.blb-karlsruhe.de/blbhs/Handschriften/content/pageview/208648> (дата обращения: 05.01.2022).

5 В тот же период это учение нашло отражение на Западе в иконографии Благовещения с изображением Младенца Христа, летящего по воздуху к Деве Марии [*González Montañés*, 1996. P. 11–45].

6 См. описание еженедельного пятничного чуда и самой иконы в так называемом Таррагонском анониме XI в. и Анониме Меркати XII в., а также в латинской поэме *Liber Virginalis*, дошедшей в списке XIII в., но восходящей к времени до 1204 г., и в ряде других [*Шалина*, 2005. С. 362–364].

3

4

5

6

7

ил.3 Посещение Девой Марией Елисаветы. Миниатюра градуала из цистерцианского монастыря Вонненталь в Брейсгау. Ок. 1340–1350. Баденская гос. биб-ка, Карлсруэ. Cod. U. H. 1. Fol. 172 v

fig.3 Visitation of the Virgin Mary to Elizabeth. Miniature of a gradual from the Cistercian Vonnental Monastery in the Breisgau. Ca. 1340–1350. Baden State library, Karlsruhe. Cod. U. H. 1. Fol. 172 v

ил.4 Генрих Констанцкий. Посещение Девой Марией Елисаветы. Скульптура. Из доминиканского монастыря Катариненталь, Швейцария. 1310–1320-е. Музей Метрополитен, Нью-Йорк

fig.4 Heinrich of Constance. Visitation of the Virgin Mary to Elizabeth. Sculpture. From the Dominican Katharinental monastery, Switzerland. 1310–1320s. Metropolitan Museum, New York

ил.5 Посещение Девой Марией Елисаветы. Фрагмент шитого антепендиума из Страсбурга. Ок. 1410. Музей декоративно-прикладного искусства, Франкфурт-на-Майне

fig.5 Visitation of the Virgin Mary to Elizabeth. Fragment of an embroidered antependium from Strasbourg. Ca. 1410. Museum of Decorative Arts, Frankfurt am Main

ил.6 Конрад Витц. Посещение Девой Марией Елисаветы. Ок. 1445. Фрагмент алтарного панно из собора в Базеле. Национальная картинная галерея, Берлин

fig.6 Konrad Witz. Visitation of the Virgin Mary to Elizabeth. Ca. 1445. Fragment of an altar panel from the cathedral in Basel. National Art Gallery, Berlin

ил.7 Ханс Струб. Посещение Девой Марией Елисаветы. Ок. 1505. Национальный Музей Тиссена-Борнемисы, Мадрид

fig.7 Hans Strub. Visitation of the Virgin Mary to Elizabeth. Ca. 1505. Thyssen-Bornemisza National Museum, Madrid

ил.8 Встреча Марии и Елисаветы. Фреска церкви Св. Креста (Тимиу Ставру) в Пелендри, Кипр Третья четверть XIV в.

fig.8 Meeting of Mary and Elizabeth. Fresco of the Church of the Holy Cross (Timiou Stavrou) in Pelendri, Cyprus. Third quarter of the 14th century

ил.9 Встреча Марии и Елисаветы. Миниатюра Феодоровской псалтири. Византия, 1066 Британская биб-ка, Лондон. MS 19352. Fol. 113 v

fig.9 Meeting of Mary and Elizabeth. Miniature of the Feodorovskaya Psalter. Byzantium, 1066 British Library, London. MS 19352. Fol. 113 v

можно было видеть вкладывавшиеся в них фигурки Иисуса и Иоанна. 1350-ми гг. датируется фреска «Посещение» в романской кирхе Св. Георгия (Согн-Гиери) в селе Рецюнс в швейцарском кантоне Граубюнден, на которой младенцы Христос и Иоанн смотрят друг на друга из темных прямоугольных «окон» на груди их матерей [Poeschel, 1940. Bd. 3. S. 43–59. Abb. 49, s. 50]. В XV–XVI в. аналогичные изображения встречались на алтарных антепендиумах⁷, в скульптуре⁸ и живописных алтарных панно⁹ [ил. 5–7]. На картине «Встреча Марии и Елисаветы» неизвестного немецкого художника Дунайской школы 1530–1550 гг. (Музей искусств в Кливленде) [Duffy, 2017. F.18] нерожденные младенцы не совсем типично представлены парящими в воздухе в ореолах

- 7 Например, шитая панель (Orphrey Panel) «Посещение» из Богемии, ок. 1400 г. (Музей Искусств — музей Фогга, Гарвард, инв. 1928.118.C (URL: <https://harvardartmuseums.org/collections/object/215177> (дата обращения: 05.01.2022)), шитый антепендиум из Страсбурга, ок. 1410 г., хранящийся в Музее декоративно-прикладного искусства во Франкфурте-на-Майне, Инв. 6810. [Duffy, 2017. Ill. 11].
- 8 Скульптурная группа «Посещение», 1420-е гг., Германия, в Германском национальном музее в Нюрнберге, и немецкий барельеф, ок. 1440 г., в Баварском национальном музее в Мюнхене [Duffy, 2017. Ill. 2, 12].

между фигурами своих матерей, однако чаще всего в это время они изображались именно во чреве, теснящимися в физиологически обусловленных позах, что в жанре скульптуры выглядело особенно натуралистично.

Характерно, что данная европейская традиция изображения «Посещения» породила эпизодические рефлексии в искусстве восточно-христианских регионов, находившихся в эпоху их создания под влиянием культуры Запада. Об этом наглядно свидетельствует миниатюра в армянском Евангелии мастера Авага 1337 г. из собрания Матенадаран в Ереване № 212, f. 157 a [La Miniature Arménienne XIIIe–XIVe siècles. Cat. 18–20], где на фигурах обнимающихся Елисаветы и Марии показаны обращенные друг к другу головы взрослых Иоанна Предтечи и Христа в нимбах, выглядывающие из складок мафориев своих матерей¹⁰. Известно также изображение на этот сюжет в росписи ц. Св. Креста (Тимиу Ставру) в Пелендри на Кипре третьей четверти XIV в., выполненное в эпоху владычества крестоносцев [Stylianou, 1997. P. 228–230]¹¹ [ил. 8]. На фреске на фоне одежд Марии и Елисаветы изображены довольно крупные фигуры обнаженных младенцев в нимбах, причем Иоанн низко кланяется сидящему, словно на престоле, благословляющему Христу.

Следует отметить, что тема приветствия младенцем Иоанном Младенца Христа в момент Посещения изредка отражалась и в восточной иконографии, но иначе, чем на Западе. Так, в декорации византийских Псалтирей XI в. с маргинальными миниатюрами — Барберини, ок. 1050 г. (Биб-ка Ватикана. Cod. Barb. gr. 372, f. 146 v)¹² и Феодоровской 1066 г. (Британская биб-ка. MS 19352, f. 113 v)¹³ [ил. 9] над обнимающимися фигурами Марии и Елисаветы выше архитектуры показаны юный Христос и коленопреклоненно припадающий к нему Иоанн. В композиции символически раскрывается истинный смысл свидания: не только Елисавета встречает Марию, но, главное, Предтеча узнает и приветствует Спасителя мира Христа. Почву для такой трактовки

- 9 «Встреча Девы Марии и Елисаветы», 1430-х гг., в Национальной галерее в Праге; Конрад Витц. «Совет спасения. Посещение», ок. 1445 г., из Базеля в Национальной картинной галерее Берлина, инв. 1673 (URL: <http://www.smb-digital.de/eMuseumPlus?service=ExternalInterface&module=collection&objectId=867591&viewType=detailView> (дата обращения: 05.01.2022)), австрийское «Посещение», 1460-х гг., в Кремсмонстерском аббатстве, Австрия; Марк Рейлих. «Посещение», ок. 1500 г., Баварский национальный музей в Мюнхене, Старая пинакотекка, Ханс Струб «Посещение», ок. 1505 г., Национальный Музей Тиссена-Борнемисы, Мадрид, и мн. др. [Duffy, 2017. Ill. 1, 14, 17].
- 10 Кодекс происходит из г. Сольтание в Иране, который входил в сферу миссионерской деятельности францисканского и доминиканского орденов, а с 1318 г. стал центром католической архиепархии, переданной доминиканцам.
- 11 Во второй половине XIV в. деревня Пелендри была собственностью коннетабля Жана де Лузиньяна (1329–1375), сына короля Кипра Гуго IV де Лузиньяна. Северный придел храма, возведенный в этот период, служил домовою моленной семье феодала [Stylianou, 1997. P. 228–230].
- 12 DigiVatLib. URL: https://digi.vatlib.it/view/MSS_Barb.gr.372 (дата обращения: 05.01.2022).
- 13 British Library Digitised Manuscripts. URL: http://www.bl.uk/manuscripts/FullDisplay.aspx?ref=Add_MS_19352 (дата обращения: 05.01.2022).

ил. 10 Зачатие Иоанна Предтечи. Миниатюра «Слова на Зачатие св. Иоанна Предтечи» Лицевого сборника Чудова монастыря. 1560-е. ОР РГБ. Ф. 98. № 1844. Л. 147

fig. 10 Conception of John the Baptist. Miniature from the Illuminated manuscript of the Chudov Monastery "Words on the Conception of St. John the Baptist" 1560s. OR RSL. F. 98. No. 1844. L. 147

ил. 11 Елисавета с младенцем Иоанном во чреве. Фрагмент фрески «Что Ти принесем» Успенский собор, Свяяжск. Ок. 1605. Фото Д.В. Денисова

fig. 11 Elizabeth with baby John in the womb. Fragment of the fresco "What We Bring Thee" Assumption Cathedral, Svvyazhsk. Ca. 1605. Photo by D.V. Denisov

сюжета помимо канонических источников могли давать развивающие данные идеи богослужебные тексты¹⁴.

В целом необходимо констатировать, что, в отличие от западного искусства, изображение нерожденных младенцев в лоне матерей в сцене свидания Девы Марии и Елисаветы для православного Востока не типично.

Однако в восточнохристианском искусстве все же был сюжет, визуализирующий физическое присутствие нерожденного Младенца Христа в утробе Марии — в иконографии «Устюжского Благовещения», где изображались проступающие сквозь одежду контуры Его фигурки на груди Богородицы.

14 «Веселяшся Предтеча в ложеснах носим матерних и поклоняшся Господу, носиму в ложеснах твоих, Богоблагодатная», «Неплодная утроба носяше Тя, Дево, во чреве носившую Слово воплощено: Егоже Божественными възгрании великий Предтеча, неплодная всесвятый плод, позна радуяся, и поклонися», «Носиму во утробе Богоматерни, вся Носящему манием, поклонился еси, Пророче» (Канон Иоанну Предтече, творение Иосифово, песнь 3, 7, 9, Богородичны).

Немаловажно, что данный извод иконографии был актуализирован в ряде списков в грозненском искусстве середины — второй половины XVI в. после того, как древняя икона XII в. из Новгорода [Нерсесян, 2020. С. 144] была перенесена в Благовещенский собор Московского Кремля¹⁵, т.е. незадолго до времени создания изучаемых миниатюр «Слова на Зачатие» лицевого сборника Чудова монастыря. Вторая икона, несущая отголосок данной темы, которая также присутствовала в это время в Москве — «Похвала Богоматери с Акафистом» третьей четверти XIV в., входящая в убранство Успенского собора. В ее клейме с изображением 3 кондака («Сила Вышняго осени тогда к зачатию браконек-искусную...») в сцене Благовещения на лоне сидящей Богоматери изображены контуры полуфигуры Младенца Христа в полупрозрачной мандорле [Громова, 2005. С. 236, 264]¹⁶. Здесь также формула, восходящая к строгим прототипам Ελίσαβετις-Πλατυτέρα, была связана с темой зачатия Богородицей Христа, физического пребывания Его в утробе Девы.

Весьма вероятно, что именно авторитет упомянутых древних икон (одна из которых считалась «письма корсунского, а как принесена с Корсуну в Юрьев монастырь тому лет пят сот и более», а другая — «письма греческого от древних лет» [Розыск, 1858. Кн. 2, ч. 3. С. 11]), оказавшихся в середине — второй половине XVI в. в Кремле, стал тем «шлюзом», который открыл дорогу к воспроизведению в миниатюрах «Слова на Зачатие» западной схемы «Visitatio». О том, что обе эти иконы находились под пристальным вниманием высшего духовенства и интеллигенции того времени, свидетельствует обсуждение особенностей их иконографии в «Розыске дьяка Висковатого» 1554 г.¹⁷

Общеизвестно, что в грозненском искусстве активно осуществлялась адаптация западноевропейского художественного материала, хотя в эту эпоху культурный «европеизм» был еще исключительной прерогативой ближайшего царского круга, особым пафосом его двора [Панченко, Успенский, 1983. С. 65]. На использование западноевропейских гравюр при создании миниатюр сборника Чудова монастыря указывал Ю.А. Неволин [Неволин, 1996. С. 71–84]. Учитывая широкое распространение варианта «Visitatio» с видимыми фигурами младенцев в странах Центральной и Восточной Европы, достаточно легко допустить присутствие такого образца иконографии в кремлевских мастерских

15 «Благовещение» из Юрьева монастыря в Новгороде появилась в столице до 1554 г., вероятно, в связи с обновлением убранства кремлевских соборов после пожара 1547 г., и оказалась в царском домовом храме — Благовещенском соборе, а затем — в Успенском соборе Кремля [Маханько, 2015. С. 58, 139–150].

16 В ранних вариантах иконографии цикла Акафиста этот текст иллюстрировался сценой с сидящей Богоматерью, позади которой ангелы раздвигают завесу — например, во фресках монастыря Панагии Олимпотиссы в Элассоне конца XIII в. Исследователи определяют ее как «Непорочное Зачатие» [Краснова, 2013. С. 93]. Следующая за ней сцена — «Встреча Девы Марии и Елисаветы».

17 Митрополит Макарий ссылался на изображения на этих иконах Господа Саваофа, обосновывая каноничность данного образа их древностью и почитанием [Розыск, 1858. Кн. 2, ч. 3. С. 11].

грозненского времени. Западный источник данного сюжета в изучаемых миниатюрах прослеживается также на уровне трактовки облика Марии, показанной с локонами кудрявых волос, выпущенных из-под чепца, что характерно именно для европейской, а не восточнохристианской, традиции.

Следует отметить, что в миниатюрах «Слова на Зачатие» лицевого сборника Чудова монастыря сцены «Встречи Марии и Елисаветы» — не первые, на которых Иоанн и Христос изображались как еще не рожденные младенцы. Иисус впервые изображен таким образом в сценах «Благовещения» (л. 144, 149 об.). Елисавета с контурами своего младенца на лоне также изображалась в предшествующих «Посещению» эпизодах, причем в весьма специфическом контексте. В большом фрагменте текста, посвященном Благовестию Захарии, присутствует несколько миниатюр, на которых зачатие Предтечи представлено как осенение лона Елисаветы Святым Духом. Так, на л. 147 справа от Захарии, принимающего благовестие от архангела Гавриила, представлена Елисавета, воздевшая руки в жесте принятия благодати, над ней в облачном сегменте — поясное изображение «Отечества». Св. Дух в виде голубя в «софийном» сиянии изображен в узком конце сегмента, почивающем на матери Предтечи. От Него на Елисавету нисходят лучи света, осеняя ее лоно, в котором просматриваются контуры младенца Иоанна. Правее представлен пророк Илия со свитком, как образ будущего служения Предтечи, которому предстояло прийти «в духе и силе Илии» [ил. 10].

В описанном изображении и в ряде аналогичных ему по смыслу наглядно проводится мысль о зачатии Иоанна Предтечи действием благодати Святого Духа¹⁸. Показательно, что среди 25 миниатюр «Слова», посвященных теме Зачатия Иоанна, нет ни одной с изображением «Целования» его родителей, которое в данную эпоху воспринималось как образ плотского зачатия и поэтому часто изображалось на фоне супружеского ложа [Устинова, 2005. С. 197–212]. Напротив, Зачатие Иоанна в миниатюрах Чудовского сборника показывается превосходящим естество, почти «непорочным», что сближает его рождение

18 Наиболее подробное изображение такого рода помещено в Чудовском сборнике на развороте л. 143 об.–144. В верхней части композиции представлено полнофигурное Отечество в окружении сонма ангелов, а внизу — стоящая Елисавета; от Святого Духа на нее сходит двойной луч, осеняя зачатого младенца Предтечу в лоне матери. Изображение сопровождается надписью: «Ангел похвали Елисавет: воистину велика в женах носившая Иоанна». Справа изображена сидящая Дева Мария, к Которой подходит Гавриил с благой вестью. На Ее мафории также намечены контуры фигуры Младенца Христа. На Богоматерь сходит тройной луч из уст Бога-Отца. Рядом с Ней надпись: «Гавриил ко Девеи глаголюще: и се, Елисавет, южика твоя, зачат от благородия рода и от чистоты жития, еже познати во плоти крыющегося Бога». Любопытно, что в сходных выражениях Степенная книга повествует о зачатии царского родителя Василия III от «благородия рода». На это обратил внимание М.С. Иванов, указавший общий источник данной словесной конструкции — «Слово о Законе и благодати» митрополита Иллариона, в котором, как и в «Степенной книге», проводилась тема благородного происхождения царских предков. По мысли автора, «вместе Степенная книга и „Слово“ об Иоанне говорят о благородстве самого царя, его предков и небесного покровителя» [Иванов, 2015. С. 204–205].

с Рождеством Христа. Этот намек автор раскрывает и в тексте, вкладывая с уста архангела Гавриила следующие слова: «О Захарие, ничтоже по естеству Бог делает, но чрес естество. Аще бо естеству чинаеши, не увеси преславнаго Божественнаго творения» (л. 139 об.).

«Слово на Зачатие Иоанна Предтечи» создавалось в митрополичьем скриптории Чудова монастыря как уникальное личное житие патронального царского святого, которое, по мнению большинства исследователей, было выполнено лично для Ивана Грозного [Иванов, 2015. С. 209]. Поскольку фолиант не предназначался для широкого круга читателей, неудивительно, что автор его программы, в котором видят бывшего царского духовника — всероссийского митрополита Афанасия [Там же. С. 214–215], — намеренно усилил в миниатюрах идею благодатного рождения царского святого. Причем усилил настолько, что она даже стала несколько выходить за рамки канонического православного учения, согласно которому зачатие Предтечи бесплодными престарелыми родителями было чудесным, но все же вполне естественным, «плотским». Нарочитое уподобление Зачатия Иоанна Воплощению Христа стало частью обширной программы по прославлению Предтечи в качестве «ангела» первого русского царя. В контекст данной программы логично вписалась и история встречи матери Предтечи и Девы Марии.

Значение этого события в общей канве повествования «Слова на Зачатие» с исключительной полнотой раскрывается в текстах, которые сопровождают изучаемые миниатюры. Первое изображение данного мини-цикла иллюстрирует текст: «Бысть бо, рече, яко услыша Елисавет целование Мариино, възграся младенец во чреве ея. Позна раб своего Владыку, *виде* воин своего царя, *в багряницу плоти облачяшася, яко в чертозе некоем ложесн Марииных* (здесь и далее курсив мой. — Ю. У.). И весь не како любо прашашеся ко исходу. Елма же сему время не у пришло бяше, и язык не еще вещающъ имяше, *играет убо во чреве Тому кланяся*». Все элементы изображения есть в тексте: и Младенец Христос, облаченный в багряницу плоти в «чертоге ложесн» Богоматери, которого зримо познает Иоанн, и его поклонение Иисусу. А далее в тексте проводится мысль, что не Елисавета, а сам Предтеча, как истинный пророк, Духом Святым прозрел в Марии Матерь Бога и, не имея еще самостоятельной способности к речи, внушил слова приветствия своей матери: «Матери же дает своего языка дар пророчествовати и почести Цареву Матерь пришедшую. Аще бо он не възыгрался бы, Елисавет не исполнитися хотяше Духа Свята, темже яже от нея к Марии глаголи Иоаннови бяху». Это дает комментатору повод восхититься тем, что пророческий дар впервые был дарован нерожденному младенцу: «О, чюдеси! Свершен пророк бяше, не еще чювства свершена имея и младенец, ниже еще на воздух дохнув. Кто виде и слыша младенца пророка, не на руках, не в пеленах, не отдоена, но во чреве шестомесечна?» Так эпизод прорицания из чрева устами матери ставит Иоанна Предтечу выше всех пророков Ветхого Завета. «И ови убо по неких временех порождении тех или пророчествоваша, или чюдодествоваша. Ов же еще во чреве носим, Святаго Духа исполнися и чюдотворец показася» (л. 151). В последних строках слышится отголосок францисканской темы

совершенства человеческой природы Христа от Его зачатия, но в несколько ином контексте: Иоанн обретает дар зрелости ума и плоти не сразу после зачатия, а через шесть месяцев чревоношения вследствие посещения Св. Духа: «Тогда бо и Духа Святаго исполнися, егда и възыграся. А идеже Дух, вся совершена суть. Действом Его и недостаточная прелагаема на совершение».

В подтверждение своей мысли о превосходстве Иоанна автор приводит в пример Иону, ставшего пророком в зрелом возрасте, но не сразу принявшего свой жребий, попытавшись уклониться от него, убежав в Фарсис. «Иоанн же из чрева матерня Духа Святаго исполнен, и Сим тамо помазан пророк и пророком печать. И не дремая, не дряхлая в толиких чрева мокротах, но бодрствуя издавля зря Материю носимаго Господа» (л. 151).

Данный фрагмент текста сопровождает следующая миниатюра цикла: «Беседа Девы Марии с Елисаветой. История Ионы». В очередной раз вдохновленный западной гравюрой [Неволин, 1996. С. 71–84], художник показал наиболее драматический момент истории ветхозаветного пророка — напуганные штормом корабельщики выбрасывают Иону в морскую пучину, где его поглощает левиафан, который затем извергает его на берег. Выше представлены беседующие в доме Захарии Богородица и Елисавета, вновь с контурами младенцев на их лонах¹⁹.

В святоотеческой традиции экзегезы, опиравшейся на евангельское свидетельство Спасителя (Мф. 12:40), история пророка Ионы с китом традиционно являлась прообразом трехдневного погребения и Воскресения Христа. В этом контексте изображения истории Ионы известны с раннехристианских времен [Журавлева, Орецкая, 2010. С. 391–392]. Характерно, что незадолго до создания изучаемых миниатюр ее изображение появилось на фреске северной галереи Благовещенского собора в Московском Кремле (1547–1551). Создателями «Слова на Зачатие» она привлекается к житию Предтечи в неординарном сопоставлении: молитвенное воздыхание Ионы из чрева кита сравнивается автором с пророческим възыграиением Иоанна во чреве матери²⁰. Здесь снова иносказательно проводится мысль о близости образов Предтечи и Христа, служащей главной цели «Слова» — возвеличиванию личности пророка.

- 19 Характерно, что это не первый случай соединения тем Встречи Марии и Елисаветы и Истории Ионы в иконографии. Наиболее известный пример — миниатюра Гомилий Григория Назианзина (879–882) Par. gr. 510. Fol. 3v Национальной библиотеки Франции. На ней подробно проиллюстрированная История Ионы выступает иллюстрацией к словам святителя, объясняющим причины его бегства от пресвитерского сана, история же Благовещения и Посещения Марией Елисаветы с данным сюжетом в тексте гомилии непосредственно не связаны. В отличие от миниатюр «Слова на Зачатие», соединение данных сюжетов на одном листе в парижской рукописи чисто механическое, что подчеркивает широкая разгранка, отделяющая новозаветные сцены от истории Ионы [Der Nersessian, 1962. P. 195–228].
- 20 «Сие от Иони на чюдесе преславнейше есть. И много множае, он бо убо муж сыи, пророческое прият дарование, и бежа в Фарсис постизашеся, любопрящуся морю от своих плещю, того яко бегелца Божия низвергнути. Тои же спяше и храпяше, и от варвар возбуждаашеся. И конец жребию падшу на нем и в море ввержену бывшу, и в китове чреве уже видевся печалюся тужааше, многия скорбив молитвенных онех назнаменуя глаголах» (л. 151).

В программе «Слова на Зачатие Иоанна Предтечи» изучаемый фрагмент завершает его объемную первую часть, посвященную теме Зачатия святого (л. 133–155). На всем ее протяжении автор-составитель последовательно доказывал на множестве примеров из Ветхого Завета, что Иоанн превосходил святостью и силой пророческого дарования всех известных пророков, величием же превосходил и ангелов²¹. Пророчество Иоанна из чрева матери автор «Слова» рассматривает как кульминационный момент, подтверждающий и превосходящий все, сказанное им о Предтече ранее.

Таким образом, история Встречи Елисаветы с Девой Марией трактуется в «Слове» как чрезвычайно важный эпизод жития Иоанна Крестителя. Главной его темой становится первое свидание воплощенного Христа и Его Предтечи — тем более чудесное, что оба являлись еще не рожденными младенцами, а также уникальный опыт прорицания Иоанна из чрева матери, возвышающий его над всеми пророками. Именно с воплощением этих идей связано появление в миниатюрах изображений видимых младенцев Иисуса и Иоанна на лонах их матерей. Непосредственно воспринятая из западноевропейских образцов, данная иконография была косвенно подкреплена авторитетными примерами древних русских Богородичных икон, находившихся в Кремле в эпоху создания миниатюр. Она позволила автору наиболее выпукло выразить главную идею повести — тему величия Иоанна Предтечи, в том числе как небесного покровителя первого русского царя. Мероприятия по сугубому прославлению Иоанна Крестителя в эпоху Ивана IV в рамках культа царского ангела рассматривались его идеологами как средство укрепления и сакрализации царской власти.

Изображение свидания Девы Марии и Елисаветы с видимыми младенцами в лонах не стало распространенным мотивом древнерусской иконографии ни в грозненское время, ни позднее. Однако образ Елисаветы с Иоанном во чреве еще раз появляется во фресках Успенского собора в Свияжске ок. 1605 г. [Преображенский, 2009. С. 268–308] [ил. 11]. Там он стал частью развернутой композиции «Что Ти принесем, Христе». Образ «непраздной» Елисаветы с развернутым свитком в руке сопоставлен в ее программе с изображением взрослого Иоанна, который вместе с матерью предстоит Богородице на престоле с Младенцем Христом, чье рождение и пришествие в мир они предвозвестили. По словам М.А. Маханько, на фреске «небесный патрон первого московского царя изображен во всех возрастах: от младенца в лоне матери до взрослого и Боговдохновенного, что приближает значение его образа к Спасителю» [Маханько, 2015. С. 150]. Так идеи, заложенные в программу «Слова на Зачатие» и актуальные в правление Ивана Грозного, нашли поздний отголосок в памятнике годуновского времени.

- 21 «О непости(жи)мых Божиих судбах, о краиня человеколюбия, о величеству достоинства Иоаннова. Будет велик пред Богом. Ангели служебнии дуси, но не велицы пред Богом. Тмы бо ангел служат Ему якоже в Данииле пишется, и тысяща архангел. Но и серафимы не велицы пред Богом, являет же ся в Исаии лица и ноги закрывающе, с толицем спрятанием стояще окрест престола онога царскаго и превознесеннаго. О Иоанне же тои самыи Гавриил рече: велик будет пред Богом и в лепоту такову достояше быти другу женихову» (л. 143).

ЛИТЕРАТУРА

- Громова Е.Б. История русской иконографии Акафиста. Икона «Похвала Богоматери с Акафистом» из Успенского собора Московского Кремля. М.: Индрик, 2005. 302 с.
- Журавлева И.А., Орецкая И.А. Иона, пророк [Иконография] // ПЭ. Т. 25. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2010. С. 391–392.
- Иаков Ворагинский. Золотая Легенда. Т. II. М.: Изд-во Францисканцев, 2018. 694 с.
- Иванов М.Л. О «Слове Похвальном на Зачатие Иоанна Предтечи» Чудовского лицевого сборника: Исследовательская статья // Лицевой сборник Чудова монастыря. Научный аппарат / И.В. Ловочкин, М.С. Крутова, М.Л. Иванов. 3-е изд., испр., доп. М.: Актеон, 2015. С. 177–223.
- Краснова Н.Л. Иконография древнейших циклов Акафиста Пресвятой Богородице // Греческие иконы и стенописи XII–XVI вв.: Сб. ст. М., 2013. С. 89–110.
- Каулибус де, Иоанн (Псевдо-Бонавентура). Размышления о жизни Христа. М.: Ин-т св. Фомы, XIV век (Христианская мысль. Тексты и исследования. Биб-ка журнала «Символ»), 2011. 311 с.
- Маханько М.А. Почитание и собирание древних икон в истории и культуре Московской Руси XVI века. М.: БуксМАрт, 2015. 351 с.
- Неволин Ю.А. Влияние идеи «Москва — Третий Рим» на традиции древнерусского изобразительного искусства // Искусство христианского мира. Вып. I. М.: ПСТГУ, 1996. С. 71–84.
- Нерсеян Л.В. Благовещение («Благовещение Устюжское») // Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 3. Древнерусская живопись XII–XIII вв. М., 2020. Кат. б. С. 144–189.
- Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха — статья первая // ТОДРЛ. Т. XXXVII. Л., 1983. С. 54–78.
- Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 564 с.
- Преображенский А.С. О стиле и времени создания росписи собора Успенского монастыря в Свяжске // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы. Материалы науч. конф. М., 2009. С. 268–308
- Розыск или список о богохульных строках и о сумнении честных икон, диака Ивана Михайлова Висковатого в лето 7062 // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1858. Кн. 2, ч. 3.
- Устинова Ю.В. «Зачатьевский цикл» в составе жития св. Иоанна Крестителя в древнерусском искусстве XVI — первой половины XVII веков // Искусство христианского мира. Сб. ст. Вып. 9. М., 2005. С. 197–212.
- Шалина И.А. Реликвии в восточнохристианской иконографии. М.: Индрик, 2005. 534 с.
- Der Nersessian S. The Illustrations of the Homilies of Gregory of Nazianzus: Par. gr. 510. A Study of the Connections between Text and Images // *Dumbarton Oaks Papers*, vol. 16. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1962. P. 195–228.
- Duffy M. The Joyful Mysteries, The Second Joyful Mystery, The Visitation Part IV—Visible Babies // *Ad Imaginem Dei: Thoughts on the history of European art, from a Catholic perspective*, 2017. URL: http://imaginemdei.blogspot.com/2017/05/the-joyful-mysteries-second-joyful_89.html?m=1 (дата обращения: 10.09.2021).
- Fassler M.E. Women and Their Sequences: An Overview and a Case Study // *Speculum* 94, 3 (2019). P. 625–673.
- González Montañés J.I. Parvulus Puer n Annuntiatione Virginis. Un estudio sobre la iconografía de la Encarnación // *Espacio, Tiempo y Forma, Serie VI, H.* del Arte, t. 9, 1996. P. 11–45.
- Grabar A. Christian Iconography. A Study of its Origins. Princeton: Princeton University Press, 1968. 174 p. + 346 pl.

- Holweck F. Visitation of the Blessed Virgin Mary // *The Catholic Encyclopedia*. Vol. 15. New York: Robert Appleton Company, 1912. 9 Aug. 2021 URL: <http://www.newadvent.org/cathen/15480a.htm> (дата обращения: 10.09.2021).
- Jung J.E. Crystalline Wombs and Pregnant Hearts: The Exuberant Bodies of the Katharinenthal Visitation Group. History in the Comic Mode: Medieval Communities and the Matter of Person, edited by Rachel Fulton, and Bruce W. Holsinger. New York: Columbia University Press, 2007. P. 223–237.
- Poeschel E. Die Kunstdenkmäler des Kantons Graubünden. Bd. 3. Basel, 1940. La Miniature Arménienne XIIIe–XIVe siècles. Collection du Maténadaran, Erévan. Leningrad: Éditions d'art Aurora, 1984. 224 p.
- Rosenau H. A Study in the Iconography of the Incarnation, *Burlington Magazine* 85, no. 496 (July 1944). P. 176–179.
- Stylianou A. & J. Peledri: The Church of the Holy Cross / The Painted Churches of Cyprus. Nicosia, 1997. 527 p.
- Κατσιωτή Α. Οι Σκηνοί της Ζωής και ο εικονογραφικός κύκλος του Αγίου Ιωάννη Προδρομού στη Βυζαντινή Τέχνη. Αθήνα, 1998.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

«Встреча Марии и Елисаветы» в миниатюрах Лицевого сборника Чудова монастыря 1560-х гг.: к проблеме интерпретации авторского замысла «Слова на Зачатие св. Иоанна Предтечи»

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Устинова Юлия Владимировна — заведующая сектором станковой и монументальной живописи отдела хранения (научно-фондового) ФГБУК «Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева». Андроньевская пл., 10, Москва, Российская Федерация, 105120; старший преподаватель Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Новокузнецкая ул., 236, Москва, Российская Федерация, 115184. u.ustinova@rublev-museum.ru

АННОТАЦИЯ

В «Слове на Зачатие св. Иоанна Предтечи» в составе Лицевого сборника Чудова монастыря 1560–1570-х гг. (ОР РГБ. Ф. 98. № 1844) один из фрагментов повести посвящен свиданию Девы Марии, получившей благую весть от архангела Гавриила, с ее родственницей Елисаветой, носившей в это время во чреве Иоанна Предтечу (л. 150–151). Текст проиллюстрирован двумя миниатюрами, уникальной особенностью которых является изображение на ложах святых матерей полуфигур их еще не рожденных младенцев Иисуса и Иоанна. Для византийского и древнерусского искусства изображение видимых младенцев в данном сюжете не характерно, однако в европейском искусстве такая трактовка сюжета известна с рубежа XIII–XIV вв., став популярным мотивом в странах Центральной и Восточной Европы. По-видимому, именно западный образец лег в основу композиции изучаемых миниатюр грозненского времени. Его использование позволило художникам выразить идею о превосходстве Иоанна Предтечи над другими пророками Ветхого Завета, заложенную в программе рукописи, выполненной в качестве лицевого жития святого покровителя первого русского царя.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Древнерусское искусство XVI в., древнерусская миниатюра, Лицевой сборник Чудова монастыря, эпоха Ивана Грозного, иконография Встречи Марии и Елисаветы, иконография св. Иоанна Предтечи, культ патронального святого.

TITLE

“The Visitation of Blessed Virgin Mary” In the Illuminated Manuscript From Chudov Monastery of the 1560s: To the Problem of Interpreting the Author's Concept of “Word on the Conception of St. John the Baptist”

AUTHOR

Ustinova, Julia Vladimirovna — head of the sector of easel and monumental paintings of the Department of storage. The Central Andrey Rublev Museum of Ancient Russian Culture and Art, Andronjevskaya pl., 10, 105120, Moscow, Russian Federation; Head Lecturer of the Saint Tikhon's Orthodox University, Novokuznetskaya ul., 23b, 115184, Moscow, Russian Federation. y.ustinova@rublev-museum.ru

ABSTRACT

The illuminated “Word on the Conception of St. John the Baptist” (1560–1570s) from Chudov monastery (Russian State Library. F. 98, collection of E. E. Egorov, no. 1844) contains the story of the Visitation of Blessed Virgin Mary, who was pregnant with Jesus, to St. Elizabeth, who was pregnant with John the Baptist (fol. 149v–151). The text is illustrated with two miniatures. A unique feature of these scenes is that the contours of their unborn babies are depicted on the bosoms of Mary and Elizabeth, peeking through their clothes. In Byzantine and ancient Russian art, the image of visible babies on the bosoms of their mothers is not characteristic in this scene. But in the art of Catholic Europe, such an interpretation of the scene has been known since the turn of the 13th–14th centuries, becoming a popular motif in countries of central and eastern Europe. Apparently, it was the Western model that formed the basis for the composition of the studied Russian miniatures. The use of this motif allowed the artists to express the idea of the superiority of John the Baptist over other prophets of the Old Testament, laid down in the program of the manuscript, which is composed as a vita of the patron saint of the first Russian tsar.

KEYWORDS

Old Russian art, 16th-century art, Old Russian book miniature, illuminated manuscript of the Chudov Monastery, epoch of Ivan the Terrible, iconography of the Visitation of the Blessed Virgin Mary to St. Elizabeth, iconography of St. John the Baptist, cult of the patron saint.

REFERENCES

- Der Nersessian S. The Illustrations of the Homilies of Gregory of Nazianzus: Par. gr. 510. A Study of the Connections between Text and Images. *Dumbarton Oaks Papers*, vol. 16. Washington, D.C., Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies Publ., 1962, pp. 195–228.
- Duffy M. The Joyful Mysteries, The Second Joyful Mystery, The Visitation Part IV — Visible Babies. *Ad Imaginem Dei: Thoughts on the history of European art, from a Catholic perspective, 2017*. Available at: http://imaginemdei.blogspot.com/2017/05/the-joyful-mysteries-second-joyful_89.html?m=1 (accessed 10.09.2021).
- Fassler M.E. Women and Their Sequences: An Overview and a Case Study. *Speculum*, vol. 94, no. 3 (2019), pp. 625–673.
- González Montañés J.I. Parvulus Puer in Annuntiatione Virginis. Un estudio sobre la iconografía de la Encarnación. *Espacio, Tiempo y Forma, Serie VIl, H.* del Arte, t. 9, 1996, pp. 11–45 (in Spanish).
- Grabar A. *Christian Iconography. A Study of its Origins*. Princeton, Princeton University Press Publ., 1968. 174 pp. + 346 plates.

- Gromova E.B. *Istoriia russkoi ikonografii Akafista. Ikona «Pohvala Bogomateri s Akafistom» iz Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremlia (History of the Russian iconography of Akathist. Icon “Praise of Our Lady with Akathist” from the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin)*. Moscow, Indrik Publ., 2005. 302 p. (in Russian).
- Holweck F. Visitation of the Blessed Virgin Mary. *The Catholic Encyclopedia*, vol. 15. New York, Robert Appleton Company Publ., 1912. 9.08.2021. Available at: <http://www.newadvent.org/cathen/15480a.htm> (accessed 10.09.2021).
- Jung J.E. Crystalline Wombs and Pregnant Hearts: The Exuberant Bodies of the Katharinenthal Visitation Group. *History in the Comic Mode: Medieval Communities and the Matter of Person*, ed. by R. Fulton, B.W. Holsinger. New York, Columbia University Press Publ., 2007, pp. 223–237.
- Katsiwth A. *Oi Skhnes ths Zwhs kai o eikonografikos kyklos toy Agioy Iwannh Prodomoy sth Byzantin Technh (The Scenes of Life and the iconographic cycle of Saint John the Baptist in Byzantine Art)*. Athens, 1998. 347 p. (in Greek).
- Krasnova N.L. Iconography of the oldest cycles of the Akathist to the Most Holy Theotokos. *Grecheskie ikony i stenopisi XII–XVI vv.: Sbornik statei (Greek icons and murals of the 12th–16th centuries: Collection of articles)*. Moscow, 2013, pp. 89–110 (in Russian).
- La Miniature Arménienne XIIIe–XIVe siècles. Collection du Maténadaran, Erévan. Léningrad, Éditions d'art Aurora Publ., 1984. 224 p. (in French).
- Levochkin I.V., Krutova M.S., Ivanov M.L. (eds.). *Litsevoi sbornik Chudova monastyrja iz sobraniia rukopisnykh knig E.E. Egorova. Nauchnyi apparat (Illustrated Book of the Chudov Monastery from E.E. Egorov's Collection of Manuscript Book. Scientific apparatus)*. 3rd ed. Moscow, Akteon Publ., 2015. 280 p. (in Russian).
- Makhan'ko M.A. *Pochitanie i sobiranie drevnikh ikon v istorii i kul'ture Moskovskoi Rusi XVI veka (Veneration and collection of ancient icons in the history and culture of Moscow Russia in the 16th century)*. Moscow, BooksMArt Publ., 2015, 351 p. (in Russian).
- Nevoln Iu.A. Influence of the idea “Moscow — the Third Rome” on the traditions of old Russian fine art. *Iskusstvo khristianskogo mira (Art of the Christian World)*. 1996, vol. 1, pp. 71–84 (in Russian).
- Panchenko A.M., Uspenskii B.A. Ivan the Terrible and Peter the Great: Concepts of the first monarch. *TODRL (Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature)*. Leningrad, 1983, vol. 37, pp. 54–78 (in Russian).
- Preobrazhenskii A.S. About the style and time of the creation of the painting of the Cathedral of the Assumption Monastery in Sviyazhsk. *Lazarevskie chteniia. Iskusstvo Vizantii, Drevnei Rusi, Zapadnoi Evropy. Materialy nauchnoi konferentsii (Lazarev Readings. Art of Byzantium, Ancient Russia, Western Europe. Materials of the scientific conference)*. Moscow, 2009, pp. 268–308 (in Russian).
- Rosenau H. A Study in the Iconography of the Incarnation. *Burlington Magazine*, vol. 85, no. 496 (July 1944), pp. 176–179.
- Shalina I.A. *Relikvii v vostochnokhristianskoi ikonografii (Relics in Eastern Christian Iconography)*. Moscow, Indrik Publ., 2005. 534 p. (in Russian).
- Stylianou A. & J. Pelendri: *The Church of the Holy Cross (The Painted Churches of Cyprus)*. Nicosia, 1997. 527 p.
- Ustinova Iu. V. “The Conception cycle” as part of the life of St. John the Baptist in the old Russian art of the 16th — first half of the 17th centuries. *Iskusstvo Khristianskogo Mira (Art of the Christian World)*. 2005, vol. 9, pp. 197–212 (in Russian).
- Zhuravleva I.A., Oretskaia I.A. Jonah, the prophet [Iconography]. *Pravoslavnaia Entsiklopediia (Orthodox Encyclopedia)*, vol. 25. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr Pravoslavnaia entsiklopediia Publ., 2010, pp. 391–392 (in Russian).